

Библіографія.

Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссією. Т. VII. Памятники полемической литературы въ западной Руси. Кн. 2-я. Спб. 1882.

Этотъ объемистый томъ «Библиотеки», изданный подъ редакціею П. А. Гильдебрандта, вышелъ еще къ концѣ прошлаго года, но о немъ не было до сихъ поръ никакого отзыва въ западно-русской печати, а между тѣмъ составъ его представляетъ немаловажный историческій интересъ. Помѣщенные въ немъ памятники полемической литературы пзъ эпохи возникновенія религиозной уніи и первыхъ временъ ея распространенія, числомъ девять, всѣ, за исключеніемъ одного, были въ свое время напечатаны, но теперь сдѣлался библиографическими рѣдкостями, извѣстными иногда только въ уникатахъ, огромному большинству изслѣдователей той эпохи почти недоступныхъ, и потому нельзя не благодарить археографическую комиссію за новое ихъ изданіе. Памятники, здѣсь помѣщенные, слѣдующіе.

1. *Вопросы и отвѣты православному зъ папезникомъ, 1603 года*, извѣстные до сихъ поръ только по «Описанію рукописей московской синодальной библіотеки» Горскаго и Новоструева, теперь напечатаны вполне. Независимо отъ содержанія, представляющаго общепонятное, по своему времени, изложеніе различій между православіемъ и католицизмомъ, съ полемикою противъ послѣдняго, — интересъ представляетъ и самая рукопись «Вопросовъ и отвѣтовъ». Годъ ея написанія опредѣленъ по одному мѣсту въ срединѣ текста; одно время она принадлежала какому-то священнику Іосифу, промѣнявшему ее «за Молитовникъ рускій» Іоанну Щуцкому; въ половинѣ XVII вѣка владѣлъ ею «Іоаннъ Нечай», —

очевидно, извѣстный «Чаусовскій» полковникъ, мужъ одной изъ дочерей Богдана Хмельницкаго, которую Максимовичъ (соч., I, 700) именуеъ почему-то Настею, тогда какъ въ Volumina legum (IV, 359, изд. Огрызки) она подъ 1661 годомъ названа Стефанидою; впоследствии эта рукопись составляла собственность ростовскаго святителя Димитрія, т. е. Данила Савича Туптала, «сотниченка кievскаго» (Величко, III, 84). На поляхъ рукописи сохранилось много неизвѣстно кому принадлежащихъ примѣчаній, поясненій и ссылокъ на св. писаніе, которыя и напечатаны въ сноскахъ.

2. *Унія аль бо выкладъ преднейшихъ артыкуловъ, ку зводночкью Грековъ съ костеломъ Рымскимъ належацихъ*, напечатана съ виленскаго изданія 1595 года, сохранившася въ одномъ только, и то неполномъ экземплярѣ, въ московской городской (прежней Чертковской) библиотекѣ. Ее приписываютъ извѣстному пронагатору уніи Иуатію Потоцкю, а предназначена она была для осторожнаго ознакомленія православныхъ съ чуждыми православію догматами католицизма и къ еще болѣе осторожному утвержденію ихъ истинности. Сохранившійся экземпляръ имѣеть на поляхъ также много замѣтокъ, написанныхъ очевидно православнымъ, имѣющимъ характеръ полемическихъ возраженій противъ текста брошюры.

3. Изъ той-же библиотеки заимствована и другая рѣдкость: *Гармонія альбо согласіе вѣры, сакраментовъ и церемоней святое Восточное церкви съ костеломъ Рымскимъ*, 1608 года, тоже посвященная защитѣ уніи и отличающаяся какъ рѣдкостью изложенія, такъ и его языкомъ: оно идетъ перемежаясь то норусскн, то польскн, и напечатано двумя шрифтами.

4. Общирное сочиненіе знаменитаго проповѣдника, іезуита Петра Скарпи: *O iedności kościoła Bożego pod iednym pasterzem y o greckim od tey iedności odstąpieniu*, перепечатано тоже съ уникала перваго изданія 1587 года, находящагося въ петербургской публичной библиотекѣ; изданіе это было въ свою пору почти все сожжено, а болѣе извѣстное второе, 1590 года, во многомъ отъ него различается. Всѣ эти различія равно какъ и замѣтки на поляхъ книги, помѣщены въ выноскахъ. Добавленныя или совсѣмъ предѣланныя въ этомъ изданіи главы помѣщены особою,

5-ю статью, подъ заглавіемъ «Новыя статьи Петра Скарпи 1590 году».

6. Незначительная брошюра іезуита Бенедикта Гербеста: *Wiary kościoła rzymskiego wywody y greckiego niewolstwa historia: dla iedności*,

была въ свое время довольно распространена, какъ видно изъ нерѣдкихъ упоминаній въ полемическихъ сочиненіяхъ православныхъ.

7. Одно изъ такихъ сочиненій представляетъ книга острожскаго священника Василія: «О единой истинной православной вѣрѣ и о святой соборной апостолской церкви, откуда начало и како повсюду распростресея», изданная въ 1588 году и заключающая въ себѣ разборъ и опроверженіе мнѣній, высказанныхъ въ униатскихъ изданіяхъ: «Унія» и «Гармонія» (см. выше, №№ 2 и 3), выгодно отличалась отъ нихъ сдержанностью и серьезностью полемикн.

8. Вслѣдъ за брестскимъ соборомъ 1596 г. на которомъ установлена была отступившими отъ православія епископами недоброй памяти религиозная унія, тотъ-же Скарга издалъ сочиненіе: «Synod Brzeski», защищая его дѣянія. Перваго изданія этого сочиненія (1596) археографическая коммисія не могла добыть, а напечатала его съ изданія 1738 г., сообщеннаго ей профессоромъ кievской духовной академіи, Ив. Игн. Малышевскимъ.

9. Отвѣтомъ на сочиненіе Скарги послужилъ со стороны православныхъ знаменитый «Апокрисисъ, албо отвѣдъ на книжки о съборѣ берестейскомъ, именемъ людей старожитной релѣи греческой, черезъ Христофора Флялета врихлѣ дана», занимающій почти половину настоящаго тома «Библиотеки» (столбцы 1003—1820). Здѣсь помѣщенъ онъ въ двухъ текстахъ: польскомъ, съ *перваго* изданія 1597 г., единственный экземпляръ котораго имѣется у М. О. Кояловича, и русскомъ, болѣе извѣстномъ, изданномъ около двухъ лѣтъ спустя. По поводу «Апокрисиса» въ предисловіи находимъ слѣдующее интересное замѣчаніе: «это сочиненіе, какъ и нѣкоторыя другія, извѣстно въ настоящее время въ двухъ текстахъ: польскомъ и западно-русскомъ. Апокрисисъ имѣеть уже не одного изслѣдователя, имѣеть даже и переводчиковъ на современный русскій языкъ (профессоръ кievской духовной академіи С. Т. Голубевъ), но тексты его доселѣ не были воспроизведены. При сличеніи западно-русскаго текста съ польскимъ оказывается, что *последній* изъ нихъ есть *оригиналъ* сочиненія, а *западно-русскій*—переводъ, или, вѣрнѣе, *вторая* редакція, не во всемъ объемѣ своемъ согласная съ изданіемъ 1597 года. Эта редакція представляетъ большое количество стмѣнъ, поправокъ, пропусковъ, вставокъ, сокращеній и развитій, имѣющихъ большую цѣну и значеніе для историка и богослова; самый-же текстъ перевода кромѣ того весьма важенъ и для языкоислѣдователя».

Таковъ богатый составъ седьмого тома «Исторической Библиотеки». Къ сожалѣнію, мы не имѣли до сихъ поръ возможности ознакомиться

съ относящимися къ нему указаніями: 1) лицъ, 2) мѣсть, и 3) предметовъ и рѣченій, которые должны были выйти, вмѣстѣ съ примѣчаніями къ тексту памятниковъ, особою брошюрою; не знаемъ даже, появилась-ли она уже въ свѣтъ.

Ив. Новицкій.

Малорусскія изданія 1882 года.

Въ іюньской книжкѣ «Кіевской Старины» мы разсмотрѣли малорусскія книги, вышедшія въ 1882 г. новыми изданіями, и указали, такъ сказать, *raison d'être* появленія каждой изъ нихъ; теперь скажемъ о книгахъ новыхъ, впервые явившихся въ печати въ 1882 г., — держась той мысли, что и произведенія беллетристическія, съ которыми мы на этотъ разъ имѣемъ дѣло, могутъ быть въ своемъ родѣ памятниками историческими, если вѣрно передаютъ картины дѣйствительной жизни въ данную эпоху.

Оригинальныхъ произведеній въ малорусской литературѣ появилось въ прошломъ году пять, а именно: 1) *Збірникъ творівъ М. Л. Кропивницького*, 2) *Оповідання про комахъ, О. Степовика*, 3) *Про дифтеритъ або обкладки, М. Хвйдоровського*, 4) *За злыми людьми й хата не зорить, Алексія Грабини* и 5) *За крашанку—писанка, Данила Сліпченка Мордовця*.

1) *Збірникъ творівъ М. Л. Кропивницького. Т. 1-ый. Кіевъ 1882 г.* Въ напечатанномъ 1-мъ томѣ помѣщены три драмы и одинъ водевиль, а именно: 1) «Дай серцю волю, заведе въ неволю», драма въ 5 дѣйствійхъ и 6 картинахъ; 2) «Глинтай, або-жъ павукъ», драма въ 4-хъ дѣйствійхъ и 5 картинахъ; 3) «Невольникъ», драматическія картины, и 4) «Помирилсь», водевиль въ 1 дѣйствіи.

Содержаніе драмы: «Дай серцю волю, заведе въ неволю» заимствовано изъ сельскаго украинскаго быта и представляетъ не вопліиъ обыденный моментъ простонародной жизни, а скорѣе исключительное явленіе, что однако не помѣшало автору начертить нѣсколько характерныхъ типовъ.

Парубокъ Семень Мельниченко, ходившій на все дѣло на заработки, возвращается осенью въ родное село и, не заходя домой, идетъ повидаться съ Одаркой, любимой имъ дѣвушкой, которая отвѣчаетъ ему взаимностью. Вскорѣ подходитъ къ нимъ Микита, сынъ старшины, про котораго Одарка сообщаетъ Семену, что онъ неотступно сватается за нее. Не желая видѣться съ нимъ, она поспѣшно уходитъ въ хату. Проис-

ходить первая сцена между двумя соперниками, предвѣщающая что-то недоброе. Къ концу этой сцены появляется Иванъ Непокрытый, спрота-бѣднякъ, названный братъ Семена (побратимъ), и между прочимъ сообщаетъ, что сейчасъ соберутся сюда *парубки обирати березу*, т. е. своего старшаго. Дѣйствительно, вскорѣ появляются парубки, и происходитъ прекрасная оживленная бытовая сцена парубочьихъ выборовъ и между прочимъ столкновение Ивана съ Микитой, котораго, очевидно, никто не любитъ за его гордый нравъ и за то, что онъ разыгрываетъ роль паннча. Сцена заканчивается превосходной чумацкой пѣсней: «Гулявъ чумакъ на рыночку». Затѣмъ дѣйствіе переноситъ насъ въ хату Морозихи, вдовы, у которой въ теченіе всей зимы собираются «вечерницѣ». Микита сидитъ за столомъ, очень насмурный; дѣвчина Маруся, которую прежде любилъ Микита, — тутъ-же. Постепенно собираются сюда дѣвчата и парубки и между прочими Одарка, Семень и Иванъ. Изъ отдѣльныхъ сценъ и разговоровъ Микиты съ Морозихой, Марусей, Одаркой и Иваномъ видно, что на душѣ у него что-то недоброе, такъ какъ онъ, сынъ старинны, статный и богатый парубокъ, не можетъ помряться съ мыслью, что Одарка выйдетъ замужъ за Семена, а не за него — что онъ можетъ получить отказъ. Между прочимъ, онъ въ разговорѣ съ Морозихой довольно ясно намекаетъ на то, что въ случаѣ крайности онъ готовъ рѣшиться на преступленіе. Дѣйствіе заканчивается опять прекрасной бытовой картинкой *вечерницъ*. Въ слѣдующемъ дѣйствіи мы узнаемъ изъ разговора двухъ *дѣвчатъ*, что Микита дѣйствительно что-то затѣваетъ, такъ какъ уже три дни назадъ отправился къ *ворожебиту*; а между тѣмъ Семень, ничего не подозревая, посылаетъ сватовъ къ Одаркѣ и, конечно, получаетъ полное согласіе. Сейчасъ-же являются *парубки и дѣвчата* въ хату Одарки, гдѣ и *справляютъ сватанні*. Какъ разъ въ это время возвращается въ село Микита и, узнавъ о совершающемся сватанні, проситъ одну изъ дѣвушекъ вызвать изъ Одаркиной хаты Семена. При появленіи послѣдняго, Микита кидается на него съ пожомъ, но благодаря Ивану Непокрытому, еще раньше замѣтившему его и спрятавшемуся въ сторонѣ, Микита схваченъ и связанъ выбѣжавшими на шумъ парубками. Этой трагической сценой и заканчивается третье дѣйствіе. Дѣйствіе 4-ое знакомитъ насъ съ событіями, совершившимися черезъ три недѣли послѣ свадьбы Семена. Въ то время, какъ счастливая молодая пара проводила медовый мѣсяць, старинна, отецъ Микиты, метя за своего сына, устроилъ дѣло такъ, что Семена назначаютъ въ рекруты. Понятно горе, которое охватило молодыхъ; но Иванъ, желая доказать, что *побратимство* онъ понимаетъ не на словахъ только, объявляетъ имъ, что онъ намѣренъ идти замѣстителемъ, какъ человѣкъ,

которому терять нечего. Это дѣйствіе сравнительно очень короткое, исполнено сценичности и можетъ быть названо самымъ удачнымъ. Последнее дѣйствіе, четыре года спустя, вводитъ насъ въ семью Семена, который теперь уже сотскимъ. Семья эта увеличилась, благодаря возвращенію раненнаго Ивана, который въ качествѣ семьянина, поселился тутъ; почти въ то же время появляется и Микита, котораго, какъ бѣглаго, водворяютъ на мѣсто жительства въ родное село. Но такъ какъ у Микиты теперь ничего нѣтъ, благодаря пожару, истребившему все имущество отца, то Семень предлагаетъ ему поселиться съ ними и забыть все старое. Микита соглашается, но не въ добру повело это. Хотя онъ теперь совсѣмъ больной, но старая страсть-ревность, помимо воли его, заговорила опять. И вотъ однажды ночью, мучимый болѣзнію и ревностью, онъ рѣшилъ было покончить со спящимъ Семеномъ, и только ласковый голосъ Семена сквозь сонъ останавливаетъ его. Тутъ встаетъ просыпается Иванъ и пробуетъ успокоить его, но изнемогшая душа Микиты не выдерживаетъ этого послѣдняго испытанія, и онъ умираетъ: по выраженію Ивана, «не zdolавъ сердега своего горя»

Какъ видитъ читатель, въ драмѣ г. Крапивницкаго не мало бытовыхъ чертъ, иллюстрирующихъ народную жизнь столько-же въ ея прошломъ, какъ и въ настоящемъ; но много въ ней и такого, что запечатлѣвъ художественностію созданія настоящее, могло-бы служить цѣннымъ матеріаломъ для послѣдующей исторіи народной жизни. На сколько однако вѣрно воспроизведены современные черты малорусской деревенской жизни въ созданныхъ авторомъ драмы типахъ, сказать не рѣшаемся. Намъ кажется, что иное тутъ создано по готовому шаблону, иное почерпнуто изъ другихъ сферъ, а не срисовано съ дѣйствительности. Съ большею увѣренностію можемъ говорить объ общемъ планѣ драмы и соотношеніи его частей. На нашъ взглядъ въ ней нѣтъ центра дѣйствія, и отсутствіе его особенно рѣзко сказывается при чтеніи. Судя по основной мысли драмы, можно думать, что центръ дѣйствія будетъ сосредоточенъ около Микиты, который и явится главнымъ героемъ, въ противовѣсъ-же ему будетъ поставленъ Семень, тѣсно связанный съ судьбой его. На дѣлѣ-же выходитъ, что Семень обазывается совсѣмъ безцвѣтной личностію: она добродѣтельна, какъ личность, но обладаетъ большими пороками, какъ дѣйствующее лицо въ драмѣ, нисколько не помогающее оживленію дѣйствія, а напротивъ—наводящее тоску. Да и самъ Микита во многихъ мѣстахъ уступаетъ первое мѣсто Ивану Непокрытому, который, сверхъ ожиданія, и является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Авторъ слишкомъ увлекся типомъ Ивана и въ

жертву ему принесъ требованія драматическаго искусства. И правду надо сказать, что типъ Ивана Неповрытаго весьма привлекателенъ: типъ это рѣдкій, но очень характерный въ народѣ, такъ что, при видѣ его, невольно возстае въ памяти мысль о томъ, что истинно - гуманные, высокіе принципы часто скрываются подъ неприглядной съ виду оболочкой. Иванъ—живая, свѣжая сила, въ которой такъ прекрасно слились видимая безпечность, такъ сказать—качества «забудыги» съ любвеобильной, нѣжно чувствующей душой, способной на самые крайніе подвиги высокаго самоотверженія. Какъ забавно-милъ онъ со всѣми своимъ шутками, прибаутками во время «вечерницъ», и какъ торжественно-великъ онъ въ моментъ объявленія своего желанія стать замѣстителемъ Семена въ военной службѣ. Вообще нужно сказать, что Иванъ, и по идеѣ, и по выполненію, является на первомъ планѣ въ драмѣ г. Кропивницкаго, вопреки намѣренію автора. Менѣе обрисованъ главный герой—Микита. Это характеръ отталкивающей, хотя вполне естественный, типъ самолюбиваго человѣка, гордящагося тѣмъ, что онъ сынъ старшины. Эта гордость проявлялась у него въ отношеніяхъ къ своимъ односельчанамъ — парубкамъ и дѣвчатамъ и за нее-то его и не долюбиваютъ всѣ. Самолюбіе его больше всего сказалося въ той трагедіи, которую онъ устроилъ по поводу любви своей къ Одаркѣ. Рѣшается онъ дѣйствовать такъ страстно не столько изъ ревности, сколько изъ самолюбія. Его гордый нравъ и самолюбіе въ связи съ неудачей въ любви и ставятъ его въ трагическое положеніе. Въ Микитѣ мы видимъ цѣльную, энергическую натуру, но эгонистически направленную, и авторъ, по нашему мнѣнію, самъ желалъ представить его такимъ, не задаваясь цѣлью вывести на сцену отрицательный типъ въ противоположность положительнымъ Семену и Ивану, а отыскивая въ народѣ не обще-житейскія, заурядныя личности, но выдающіяся, исключительныя, къ какимъ несомнѣнно и принадлежитъ Микита.

Что касается Одарки, то о ней говорить нечего, такъ какъ это избитый типъ малорусской дѣвушки и молодой, который постоянно фигурировалъ въ малорусскихъ произведеніяхъ, начиная съ Наталки Полтавки Котляревскаго и заканчивая повѣстями г. Нечуя. Типъ этотъ обязательно нѣсколько сентиментальный, такъ что слащавость частенько дѣлаеъ его приторнымъ. Этого послѣдняго не избѣжалъ и г. Кропивницкій, томящій публику до тошноты сахаристыми рѣчами Семена и Одарки въ первыхъ двухъ явленіяхъ. Послѣдующія явленія свободны отъ этого недостатка; оживленностію дѣйствія, типичностію бытовыхъ

картинъ они сглаживаютъ непріятное впечатлѣніе отъ указанныхъ двухъ явленій, и мирятъ читателя съ недостатками въ отдѣльныхъ частяхъ драмы.

Другая драма г. Кропивницкаго: «Глитай або-жь Навукъ» даетъ намъ интересный типъ современнаго малорусскаго кулака, который какъ бы глотаешь всѣхъ и вся вокругъ себя и какъ наукъ опутываетъ сѣтями своихъ односельчанъ. Отъ этихъ качествъ его и драмъ дано такое названіе.

Этотъ типъ представляеть въ лицѣ разбогатѣвшаго крестьянина Іосифа Вычка. Его всѣ величаютъ «Іосипомъ Степановичемъ», а про себя «глитаемъ» или «навукомъ». Всѣ у него въ матеріальной зависимости; всякій въ нуждѣ обращается къ нему за помощью, и онъ никому не отказываетъ, хотя прежде всего себя не забываетъ. Годъ отъ году Вычокъ богатѣеть, уловляя въ свои сѣти каждаго, нуждающагося въ деньгахъ. Выстѣсь съ тѣмъ онъ посяетъ личину благочестія, и хотя это всякимъ легко распознается и оцѣнивается по достоинству, но не спасаетъ никого отъ его сѣтей, такъ какъ нужда оказывается сильнѣе всякаго разсужденія. Одною изъ первыхъ жертвъ его является Мартинъ Хандоля, богатый селянинъ, подверженный однако пьянству и отъ того часто нуждавшійся въ деньгахъ. Вычокъ охотно ссужалъ его деньгами и въ тоже время наравилъ за долгъ, едва достигающій 150 р., заложить отъ Мартина его «половні воли», стоящіе не менѣе 200 рублей. Но не тутъ центръ драматическаго дѣйствія. Въ селѣ живутъ счастливые, но крайне бѣдные супруги—Андрій и Олена Кугуты и при нихъ мать ихъ Стеха, Вычокъ-же, при всей своей богобоязливости, давно уже увлечается Оленой. И мать ся и мужъ въ неоплатномъ предъ нимъ долгу. Чтобы поправить свои дѣла, Андрій рѣшается наняться на годъ къ заѣзжему мѣщанину и оставить на это время родное село и пѣвно любящую имъ Олену. Іосипъ Степановичъ помогаетъ ему устроить эту сдѣлку. Проходить больше года, Андрій не возвращается, въ семьѣ его полная бѣда: средствъ къ жизни нѣтъ, податей платитъ нечѣмъ, сама старуха мать убѣждаетъ дочь отправиться на поклонъ къ Вычку, а тотъ все время пристаетъ къ Оленѣ, перехватываетъ письма къ ней мужа, стараясь увѣрить ее, что мужъ ее покинулъ. Оленѣ и матери ся грозитъ наконецъ послѣдняя бѣда—продажа хаты съ публичнаго торга. Вся надежда ся, что вотъ-вотъ Андрій возвратится; но тутъ Вычокъ посредствомъ сфабрикованнаго имъ отъ Кугута письма передаетъ ей ложное извѣстіе, будто Андрій «зрадивъ», полюбилъ другую. Олена въ отчаяніи, она не владетъ собой, не можетъ здраво разсуждать и, чтобы отомстить мужу за

невѣрность, сама рѣшается отдаться Іосипу Степановичу. Но рѣшимость ея была плодомъ нервнаго болѣзненнаго состоянія, близкаго къ помѣшательству. Олена въ домѣ Бычка, она нервно весела, Бычокъ торжествуетъ. Но и для него скоро становится яснымъ, что съ Оленой что-то неладно: рѣчи ея исполнены ажитаціи, которая усиливается съ каждой вновь выпитой чаркой. Три дня спустя возвращается Андрій, и пока онъ мучится надъ разгадкою случившагося, Бычокъ въ свою очередь мучится при мысли о скоромъ возвращеніи Андрія и при видѣ почти сумасшедшей Олены. Андрій свѣситъ къ Бычку, а въ это время его Олена появленіемъ изъ другой комнаты окончательно убѣждаетъ Бычка и всѣхъ бывшихъ въ его домѣ въ своемъ безумствѣ. Входитъ Андрій; при видѣ его, она какъ-бы опомнилась, но черезъ нѣсколько минутъ отъ сильнаго волненія упала мертвою. Тутъ только Андрій узнаетъ, что она была жертвою низкаго обмана, и, видя крайній предѣлъ своихъ страданій, бросается на «глитая» и убиваетъ его.

Начерченный въ драмѣ типъ кулака деревенскаго, можетъ быть, и дѣствительно распространенный теперь типъ; но только намъ кажется, что драматическая завязка—сластолюбивые замыслы Бычка едва-ли типичны для украинскаго міроѣда. Онъ настолько бываетъ поглощенъ матеріальными расчетами и соображеніями, что для страсти любовной у него обыкновенно не остается мѣста въ душѣ. Что до частностей піесы, то они кажутся намъ еще менѣе естественными и возможными хотя-бы въ нынѣшней сельской средѣ. Болѣе натуральности, по видимому, въ остальныхъ типахъ. Такъ въ разбираемой драмѣ мы впервые встрѣчаемся съ женскимъ характеромъ,—до сихъ поръ большинство женскихъ ролей отличалось сентиментальностью и почти не имѣло личности, своего «я». Олена съ своими страданіями обнаруживаетъ признаки характера; но драматизмъ ея положенія не обусловленъ ея личнымъ характеромъ, а волей рока, случайностями и характерами другихъ лицъ, благодаря которымъ она очутилась въ трагическомъ положеніи, между тѣмъ въ искусствѣ гораздо большее впечатлѣніе производитъ то или другое трагическое положеніе въ зависимости отъ характера лица. Это обстоятельство авторъ, кажется, упустилъ изъ виду и потому хотя въ драмѣ главными трагическими героями являются Олена и Андрій (послѣдній слишкомъ мало дѣйствуетъ), но не на нихъ сосредоточенъ весь интересъ, а на Бычкѣ, ради котораго онъ вставилъ цѣлыя сцены, не имѣющія никакого отношенія къ главному сюжету драмы, а только бросающія новый свѣтъ на черты кулачества, міроѣдства, какъ напримѣръ: весь эпизодъ съ Мартиномъ Хандолею и постепеннымъ паденіемъ его, благодаря «глитая», а равно—все первое явленіе 4-го дѣйствія, въ которомъ,

въ ущербъ оживленности дѣйствія, идетъ разговоръ двухъ крестьянъ о разныхъ кулаческихъ продѣлкахъ «глытая».

Въ заключеніе, нельзя все таки не сказать, что и эта драма г. Кропивницкаго даетъ нѣсколько бытовыхъ оживленныхъ картинъ и воишь художественныхъ сценъ, такъ что читатель нисколько не пожалѣетъ, если возьметъ книгу г. Кропивницкаго и прочтетъ эту горестную, хотя и не во всѣхъ частностяхъ точную, повѣсть нашихъ дней.

О третьей драмѣ г. Кропивницкаго «Невольникъ» приходится сказать немного, такъ какъ она является передѣлкой всѣмъ извѣстной поэмы Шевченка того-же заглавія. Самый сюжетъ дышетъ исторической правдой, и хотя въ передѣлкѣ г. Кропивницкаго онъ не достигаетъ полного развитія драматическаго дѣйствія, вслѣдствіе чего и самъ авторъ назвалъ піесу «драматическими картинками», — но отдѣльныя сцены составлены такъ художественно и типично, что оставляютъ самое благопріятное впечатлѣніе въ читателѣ и зрителѣ. Особенно мѣтко схвачены въ 3-мъ и 4-мъ дѣйствіяхъ занорожскій лагерь и запорожцы въ темницѣ. Что-же касается 1-го и 2-го дѣйствій, а особенно 1-го, то они должны быть слишкомъ скучны на сценѣ, какъ лишенные всякаго драматизма.

Послѣдней, четвертой піесой въ книгѣ является шутка-водевиль «Помирились», въ которой очень живо схвачены нѣкоторыя сценки мѣщанской жизни; тутъ на первый планъ выступаетъ безпросвѣтная темнота мѣщанина Панаса Гурина, понавшагося въ руки мѣстнаго «аблоката» и, конечно, жида-шинкаря Гершка. Хотя во многихъ мѣстахъ допущенъ авторомъ шаржъ, но въ общемъ водевиль этотъ можетъ быть признанъ однимъ изъ лучшихъ, среди необильныхъ малорусскихъ драматическихъ піесъ.

Теперь намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о языкѣ драмъ г. Кропивницкаго. Конечно, тѣ сюжеты, которые избраны авторомъ для своихъ піесъ, много способствовали тому, что языкъ въ нихъ безукоризненно хорошъ, такъ какъ простонародная обстановка совершенно легко можетъ быть передана на малорусскомъ языкѣ, у насъ (мы не говоримъ о Галиціи) являющемся только языкомъ простонародія; но нельзя не видѣть въ то-же время, что г. Кропивницкій особенно хорошо и талантливо воспользовался матеріалами этого языка: всѣ слова и выраженія у него чисты, мѣтки и образны, особенно въ драмѣ: «Дай сердцу волю», въ которой почти на каждомъ шагѣ попадаются прекрасныя поговорки, прибаутки и пословицы, заставляющія отъ души носмѣяться и въ то-же время задуматься надъ силою и мѣткостью народнаго ума и

способностью его подыскать въ своемъ родномъ языкѣ равносильно мѣткія выраженія.

2) *За крашанку—писанка. Ц. Ол. Кулишевъ. Написаъ Данило Сліпченко-Мордовецъ. Спб. 1882 г.*

Извѣстныя двѣ книжечки г. Кулиша «Хуторна поезія» и «Крашанка», изданныя въ Галиціи, вызвали многихъ на размышленія о томъ, что сдѣлалось съ г. Кулишомъ въ послѣднее десятилѣтіе, начиная съ пресловутой „Исторія возсоединенія Руся“. Постояннымъ читателямъ „Кіевской Старини“ обѣ эти книжки знакомы по рецензій, помѣщенной въ іюньской книжкѣ прошлаго года, а потому не будемъ останавливаться на поводахъ къ написанію г. Сліпченко-Мордовцемъ своего отклика на „Крашанку“ г. Кулиша. Въ формѣ живаго разговорнаго языка г. Сліпченко-Мордовецъ старается освѣтити и разъяснити поведеніе Кулиша, который „перекинувся задля культуры польскои, задля лакомого цивилизаціи и слова свободи“. Много тутъ отмѣчено темныхъ пятенъ въ жизни когда-то знаменитаго вождя украинской интеллигенціи, и благодаря прекрасному, сильному, острому слову г. Сліпченко-Мордовця, пятна эти проглядываютъ такъ рѣзко, что читателю приходится повторить вмѣстѣ съ авторомъ слова: „Панько вмеръ для України!“ да заучить нѣсколько строчекъ изъ стихотворенія, шутливо посвященнаго тутъ-же г. Кулишу.

Вінъ Тарасови ¹⁾ другомъ: бачъ, звався,
Щиримъ другомъ и Галці ²⁾ вінъ бувъ;
А теперъ у переднімъ кутку за кордономъ
Вінъ й рідную матірѣ забувъ!

Чѣмъ-же объясняется все превращеніе въ Кулишѣ? А тѣмъ, что „вінъ — велика таки сила, велика душа; та тільки гордость ёго велику душу задувала“—говорить г. Сліпченко-Мордовецъ. «L'Ukraine—c'est Kouliche!»—отъ-що написано у ёго на прапорі. А потому, когда сего не признали, Кулишъ прийшовъ за кордонъ зъ своимъ каганцемъ, котрый ёму погасъ бувъ у Мотронівці. ³⁾

Книжка г. Сліпченко-Мордовця такъ хороша, что трудно рѣшить, какое мѣсто въ ней характернѣе всего; пришлось-бы переписать почти

¹⁾ Шевченко.

²⁾ Гермія Галка—псевдонимъ Н. П. Костомарова.

³⁾ Имя г. Кулиша.

всю книжку, а потому, предлагая читателямъ обратить на нее особенное вниманіе, мы ограничимся только одной еще замѣткой автора, сказанною по поводу слѣдующихъ словъ г. Кулиша въ «Исторіи возсоединенія Руси»: «отверженіе многаго, что написано Шевченкомъ въ его худшее время, было-бы съ стороны общества актомъ милосердія къ тѣни поэта, скорбящей на берегахъ Ахерона о быломъ умозступленіи своемъ. Усе мнѣтся, одна правда zostается—говорить наша пословица». — Вона, ця правда, замѣчаєть г. Сліпченко-Мордовецъ, «и zostалася, тільки не Кулишеви досталася, а тому, кого вінъ докоряєть буцімъ-то неправдою».

За злыми людьми й хата не горить. Казки Алексѣя Грабины. Кіевъ 1882 г., ц. 10 к.

Эта слабенькая по мысли и по выполненію сказка, сочиненная А. Грабиною, невѣдомо по какимъ побужденіямъ, представляетъ изъ себя искусственно созданный рассказъ о томъ, какъ лѣнивый мужикъ хотѣлъ сначала повѣситься (неизвѣстно, впрочемъ, почему); но судьба распорядилась иначе—веревка оборвалась, и его застала жінка на мѣстѣ преступленія; затѣмъ онъ безопасно живетъ, пользуется трудами жены; наконецъ отъ непосильныхъ трудовъ жена умираетъ, и онъ, по совѣту невѣдомо откуда взяшагося племянника, поступаетъ на службу въ экономію въ качествѣ плотника, откуда выкрадываетъ при содѣйствіи племянника колеса и причетъ въ своей избѣ. Затѣмъ случился пожаръ въ его домѣ; онъ, боясь, чтобъ не открылась исторія съ колесами, мѣшаєть людямъ тушить пожаръ, но въ концѣ концовъ все обнаружилось, и онъ попалъ въ острогъ. Разсказано это хорошимъ народнымъ языкомъ, но почему сіе важно?—только и остается спросить автора.

4) *Оповідання про комахъ Яка одъ ихъ користь або шкода въ господарстві (съ 45 малюнками).* О. Степовика. Кіевъ 1882 г. ц. 50 к.

5) *Про дифтеритъ, або обкладки для селянъ и хуторянъ на Украйні.* Зложивъ лікаръ М. Хведоровський. Харьковъ 1882 г. Ц. 10 к.

Объ эти книжки, изъ которыхъ первая довольно велика по объему, представляютъ научно-популярное изложеніе тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы простому человѣку въ его хозяйствѣ и семейной обстановкѣ. Мы въ прошлой статьѣ сказали уже нѣсколько словъ о томъ значеніи, какое могутъ имѣть подобныя книжки, будучи распространены въ народѣ на удобопонятномъ для него родномъ языкѣ. Особенно вторая, «Про дифтеритъ», явилась, какъ нельзя болѣе, кстати, такъ какъ въ ней указываются необходимыя средства и при томъ весьма доступныя

крестьянину для борьбы съ этимъ бичомъ нашихъ селъ. Что-же касается первой, то конечно свѣдѣнія о насѣкомыхъ, полезныхъ и вредныхъ, принесутъ пользу сельскому жителю, иногда, по невѣдѣнію своему принимающему полезное насѣкомое за вредное и наоборотъ, а еще чаще, не обращающему вниманія на истребленіе вредныхъ насѣкомыхъ. Мы боимся только, что значительный объемъ книжки, а вслѣдствіе этого и сравнительно высокая цѣна ея помѣшаютъ ей распространиться въ народѣ, т. е. тамъ, гдѣ слѣдовало-бы. Обѣ книжки эти написаны очень хорошимъ, простымъ, понятнымъ языкомъ.

Итакъ только 5 самостоятельныхъ новыхъ книжекъ дополнили въ 1882 г. необширную малорусскую литературу; но за то смѣло можемъ сказать, что 4 изъ нихъ качественно значительно увеличили ея достоинство.

Въ слѣдующей, послѣдней статьѣ мы познакомимъ читателей съ новыми переводными малорусскими изданіями 1882 года.

Ал. Андріевскій—Историческіе матеріалы изъ архива кіевского губернскаго правленія. Выпускъ V. Кіевъ. 1883 г.

Г. Андріевскій продолжаетъ въ нынѣшнемъ году изданіе своего интереснаго археографическаго матеріала, который онъ извлекаетъ изъ архива кіевского губернскаго правленія. Только что вышедшій 5-й выпускъ заключаетъ въ себѣ 27 номеровъ—это частью цѣльные документы, напечатанные «in extenso», частью подробные экстракты изъ встрѣтившихся ему въ архивѣ дѣлъ, представляющихъ историческій интересъ.

Половина почти книги (№ 1—7 и 18—23) содержитъ дѣла, возникшія по поводу гайдамацкихъ набѣговъ на польскія области (1751—1752 г.) и дѣла пограничной комисіи, судившей взаимныя претензіи русскихъ и польскихъ подданныхъ. Въ числѣ дѣлъ о гайдамакахъ помѣщено нѣсколько интересныхъ показаній, данныхъ гайдамаками о своихъ походахъ въ польской Украинѣ; главнымъ образомъ показанія эти описываютъ походы тѣхъ гайдамацкихъ отрядовъ, которые формировались въ окрестности Кіева и предпринимали походы главнымъ образомъ въ кіевское Подѣсье; особенно интересенъ допросъ (№ 3) «двухъ Грицьковъ»: Киселенка и Пархоменка, принимавшихъ участіе

въ набѣгѣ, который предпринять былъ на лодкахъ по Днѣпру, Припяти и Сожи; кромѣ интересныхъ подробностей самаго похода, къ допросу приложены списки сообщниковъ подсудимыхъ съ весьма характерными подробностями о мѣстахъ ихъ жительства и укрывательства. Въ допросѣ гайдамака Василя Сѣраго (№ 2) мы встрѣчаемъ рассказъ о походѣ многочисленнаго гайдамацкаго отряда, сформировавшагося въ предѣлахъ запорожскихъ степей съ участіемъ многихъ запорожцевъ; отрядъ этотъ вступалъ въ сраженія съ военными командами, угонялъ стада изъ крупныхъ экономій и благополучно съ добычею возвратился обратно въ степи. Интересна переписка гетмана Браницкаго (№ 7) съ русскими властями, возникшая по поводу набѣга польскаго полковника Ортынскаго на запорожскіе зимовники, гдѣ онъ произвелъ убійства и грабежи подъ предлогомъ преслѣдованія гайдамаковъ. Браницкій старается всячески выгородить своего подчиненнаго и упорно не понимаетъ того обстоятельства, что нападеніе вооруженнаго отряда на чужую территорію нарушаетъ основныя положенія международнаго права. Изъ дѣлъ пограничной комиссіи особенно интересно дѣло кіево-печерскаго архимандрита Зосимы (№ 22), жаловавшагося на шляхтича Спендовскаго за то, что послѣдній въ жалобѣ, поданной въ пограничную комиссію, «обезчестилъ отца Зосиму и весь соборъ непристойными терминами». Послѣ долгихъ проволочекъ, пограничная комиссія признала жалобу о. Зосимы справедливою и присудила Спендовскаго къ аресту и штрафу, но былъ-ли исполненъ этотъ приговоръ, изъ дѣла не видно.

Затѣмъ слѣдуютъ дѣла о польскихъ шляхтичахъ, поступавшихъ въ русское подданство или службу, и объ отношеніяхъ ихъ къ малороссійскимъ жителямъ (№ 8—10). Документы, относящіеся къ столкновеніямъ сербовъ, отправлявшихся для поселенія въ Славяносербію съ жителями Кіева и Малороссіи (№ 11—13); между ними оригинально предписаніе генераль-губернатора Леонтьева кіевскому магистрату о томъ, чтобы мѣщане подольскіе обходились съ квартирующими у нихъ сербами «дружелюбно и ласково, а не грубіански». Распоряженіе это послѣдовало вслѣдствіе жалобы, поданной генераль-губернатору о томъ, что «подольскіе обыватели и многіе студенты насмѣхаются надъ сербами, обыгаютъ ихъ цыганами и, замѣтивъ у нихъ женъ голодной уборъ, утыканный булавами, утверждаютъ, что они прибыли въ Кіевъ для торговли булавами».

Изъ остальныхъ документовъ, относящихся къ разнообразнымъ дѣламъ, болѣе интересны: вѣдомость составленная кіевскимъ магистратомъ

о состояніи промысловъ и торговли въ Кіевѣ въ 1775 году (№ 15) и распоряженія о производствѣ промѣрки фарватера на Днѣпрѣ и Сожи въ 1784 году (№ 25).

В. А.

Мѣстечко Курисово-Покровское (Балай тожъ). Статистическое описаніе поселенія, составленное статистическимъ отдѣленіемъ при херсонской губернской земской управѣ. Одесса. 1883 г.

Открытіе статистическихъ отдѣленій при земскихъ управахъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ южнаго края (черниговской, полтавской и херсонской), оказало важную услугу научной литературѣ, помимо той практической пользы, которую учрежденія эти принесли земствамъ, доставляя имъ возможность точно опредѣлить дѣйствительную стоимость земель, облагаемыхъ земскимъ повинностями, и имѣть несомнѣнныя данныя о бытѣ и нуждахъ народонаселенія, подлежащихъ удовлетворенію со стороны земскаго управленія. Для близкаго знакомства съ краемъ, съ его экономическимъ положеніемъ, съ его мѣстною этнографіею и исторіею, изданія статистическихъ отдѣленій земскихъ управъ даютъ громадный матеріалъ и, нужно отдать справедливость, матеріалъ разработанный весьма тщательно и добросовѣстно съ соблюденіемъ точныхъ научныхъ приѣмовъ. Книжка, заглавіе которой вышисано выше, представляетъ какъ-бы образецъ большаго труда, заготовляемаго статистическимъ отдѣленіемъ херсонской земской управы.

Кромѣ общаго и тщательно сгруппированнаго статистическаго матеріала, относящагося къ даннымъ о народонаселеніи, его движеніи и сельско-хозяйственной производительности, въ первой главѣ мы находимъ весьма интересныя свѣдѣнія объ исторіи основанія поселенія, о способахъ его колонизаціи, о возникновеніи условій вѣчнаго чиншеваго нрава съ разными его видоизмѣненіями и т. д. Всѣ эти свѣдѣнія подкрѣпляются свидѣтельствами документовъ, изъ которыхъ важнѣйшіе приведены цѣлкою въ текстѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе весьма точно собранныхъ данныхъ, относящихся къ этнографической характеристикѣ народонаселенія. Описаны типическія постройки домовъ и хозяйственныхъ службъ, типическая обстановка и убранство жилищъ, мѣстный костюмъ и его украшенія, приемы и орудія сельско-хозяйственнаго труда и т. д.

Вообще просмотрѣвъ книгу, читатель не только выноситъ полнсе знакомство съ описываемою мѣстностью, но также убѣжденіе, что при точномъ изученіи даже единичныхъ мѣстностей края, открываются столь многочисленныя и богатыя научныя данныя, сводъ которыхъ можетъ дать единственную полную картину какъ прошедшаго, такъ и современнаго намъ состоянія края.

В. А.
